

гика ни на уровне своей теории, ни на уровне практики не может. **Отделение церкви от государства отнюдь не означает отделения религии от человека, общества, от того же государства.**

Журнал «Образование и наука» является, безусловно, научным, а не религиозно-конфессиональным. Однако в духовно-нравственном воспитании мы используем позитивный потенциал религии, в том числе православия. Поэтому считаем возможным публикацию статьи, ибо полезно познакомить заинтересованных читателей с этим (провиденциальным) направлением педагогической мысли. В нем есть определенное нравственно-позитивное начало.

УДК 371+37.01+27+241

М. И. Макаров

ПРОВИДЕНЦИАЛИСТСКАЯ ИДЕЯ ВОСПИТАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Аннотация. В статье рассматривается феномен божественного предопределения и его педагогический смысл, а также анализируется влияние идеи божественного предопределения на отечественную педагогику второй половины XIX – первой половины XX вв. Особое место в статье отводится анализу провиденциалистской идеи воспитания в трудах русских философов и православных педагогов второй половины XIX – первой половины XX в.

Ключевые слова: провиденциалистская идея воспитания, принцип богособразности воспитания, христианские педагогические традиции.

Abstract. The paper considers the phenomenon of divine predestination in its pedagogical sense, analyzes the influence of the above on the domestic pedagogy of the second half of the XIX – the first half of the XX centuries with a particular attention to the analysis of the providential idea of education in the works of Russian philosophers and orthodox teachers of this period.

Index terms: providential idea of education, education in compliance with the basic divine principles, Christian educational traditions.

На протяжении веков педагогика, дабы эффективно влиять на душу ребенка, противостоять любому антидуховному, безнравственному воздействию на него, широко использовала в практике воспитания провиденциалистские смыслы, связанные с идеей спасения и послушания.

Божественное предопределение, как бы это ни показалось кому-то парадоксальным и непоследовательно-противоречивым, являясь волей Бога, исполняет в первую очередь педагогические функции. Божественный промысел, как и педагогика, помогает людям удерживать себя в рамках нравственности, стимулирует их стремление к духовному возвыше-

нию, преодолению своего несовершенства, «дорастанию» до образа Божьего, до обретения божественной благодати.

Настойчивые усилия в открытии связующих нитей божественного промысла и человека, а также попытки объяснения с этих позиций педагогических построений прослеживаются в русской богословской и философской мысли вплоть до середины XX столетия. Благодаря этим усилиям и попыткам в процессе обсуждения возникающих идей отечественная педагогика обогатилась на рациональном уровне провиденциалистским воспитательным содержанием, раскрывающим образ Божий в человеке, иными словами – богообразное состояние человека, что актуализировало различные задачи воспитания.

Для исследования педагогического феномена божественного предопределения, открывающегося в дискурсе влияния на педагогику божественных смыслов совершенствования человека, нами был избран период, ограниченный второй половиной XIX – первой половиной XX в., так как это время наиболее активного влияния на педагогику провиденциалистских смыслов.

Провиденциалистская идея воспитания в отечественной педагогике имеет глубокие корни, уходящие в философские и богословские начала. Вообще, термин «провиденциализм» (от лат. *providetia*) в широком смысле обычно соотносится с попыткой объяснения события с точки зрения проявляющегося в нем божественного провидения. В этом смысле «провиденциализм», «божественное предопределение», «божественное провидение» и «божественный промысел» являются синонимами, и их употребление правомерно в понимании события как выполнения божественного плана спасения человечества. Кроме того, само слово «спасение» передает оптимистическую веру в восхождение человека к торжеству добра, избавление его от опасности и несчастья, т. е. представление об исходящей от воли Бога детерминированности морального поведения человека, а значит, воспитательного воздействия на личность человека. Поэтому божественный промысел, ориентированный на спасение человека, обретает воспитательное значение и педагогическое толкование.

В контексте вышеизложенных рассуждений отметим, что педагогическая мысль в России на протяжении веков развивалась, опираясь не только на сознательное начало в человеке, но в большей степени на подсознательное обращение не столько к разуму, сколько к вере при объяснении всего происходящего волей божественного промысла. Это всегда было характерно для православия. Не случайно Л. П. Карсавин отмечал, что русский «во всяком явлении чувствует что-то божественное, прозревает в нем Бога. Не довольствуясь созерцанием идеала, русский человек стремится воплотить его» [5, с. 363].

Цель нашего исследования состояла в освещении нового (или возрождающегося) направления в отечественной педагогической теории и практике, связанного с влиянием христианской мысли на процесс вос-

питания, который мыслится как реализация божественного промысла, имеющего своей задачей спасение человека. Провиденциалистское течение в современной мировой педагогике уже выделялось Б. М. Бим-Бадом в размышлениях об антропологических основаниях педагогики [3]. Мы, в свою очередь, рассматриваем провиденциалистскую идею воспитания как конкретное, тесно связанное с общественными и духовными процессами явление педагогической культуры, сформировавшееся в России во второй половине XIX – первой половине XX в.

Провиденциалистская идея воспитания в отечественной педагогике родилась из представления о христианстве как фундаменте воспитания, как едином духовном образовании без учета имеющихся в нем течений. Непосредственной теоретической основой провиденциализма в педагогике выступало христианское учение о человеке, которое содержало теистическую трактовку важнейших философско-педагогических проблем, таких как сущность человека, его место в мире, цель и предназначение человеческой жизни, природа индивидуальной свободы и т. п. Выход на этот уровень осмысления педагогики обусловлен необходимостью осознания влияния божественного промысла на постановку и решение педагогических проблем, связанных с определением цели, средств, методов и содержания воспитания.

Во второй половине XIX столетия в отечественной педагогике в буквальном смысле пробудилась провиденциалистская идея воспитания, укрепив промыслительное представление о сущности, природе и предназначении человека. Между тем провиденциалистские идеи воспитания, подчиненного православию, развивались в ходе становления русской религиозно-философской мысли уже в тридцатые-пятидесятые годы XIX в. И это не случайно: тема православия в русской педагогике всегда начинала звучать, когда теория и практика отечественной школы сопоставлялись с опытом западного, европейского образования.

Как известно, вторая половина XIX в., особенно шестидесятые годы, – время бурного обсуждения педагогических вопросов и расцвета русской педагогики, но это еще и время, когда «сверхцелью» педагогического процесса, неразрывно связанного со всей жизнью общества, выступало приобщение человека к Богу, направление его на путь истинный, на путь спасения. С. А. Франк отмечал, что «христианская вера, будучи по самому своему существу религией спасения – спасения человека от его ничтожества, от трагического бессилия его земного существования, есть высшее завершение пророческого сознания нравственной связи между Богом и человеком...» [6, с. 18–19]. Хорошо понимая это, архиепископ Амвросий говорил, что суть приемов и начал христианского воспитания заключена в божественном провидении, «сообщающем нашей природе то, чего ей недостает в ее настоящем состоянии» [2, с. 4].

В педагогических трудах архиепископа Евсевия (Е. П. Орлинского) и В. Ф. Владиславлева заметно доминирование страха Божьего как движущей силы воспитания. При всей глубине и многозначности трактовки

этого понятия одним из его важных смыслов было влияние божественного провидения на воспитательный идеал человека. Огромное воспитательное значение в страхе Божьем видел К. Н. Леонтьев. По мнению мыслителя, человек может внутренне врачеваться (т. е. воспитываться) не только любовью, но и наказанием, которые, будучи путями промысла о совершенстве человека, всегда неразрывно связаны. Подчеркивая педагогическую созидательную силу промысла, Леонтьев наглядно показывает воздействие воспитательной мощи провидения на человека, у которого подкрепляемая страхом Божиим любовь к образу и подобию Божию, тому общему, что присутствует в каждом, ведет не к нивелировке индивидуальных черт личности, а напротив, к высвечиванию лучших черт характера, проявлению его неповторимости. Особенностью провиденциального понимания воспитания Леонтьева является противопоставление земной жизни, в которой царит мирская суета, царству Божьему, в котором для праведников наступит вечное блаженство, установится полная гармония и человек станет бессмертным. Подобное понимание воспитания берет свое начало из работы Аврелия Августина «О граде Божием» [1].

Со второй половины XIX в. и особенно к началу XX столетия в русской социально-философской мысли резко обозначились полярные подходы к представлениям о человеке и его воспитании, в парадигме которых прослеживается мысль о предопределенности как различных явлений в жизни человека, так и его природно-божественной эволюции, в которой немаловажное место отводится воспитанию. Провиденциалистская идея воспитания в это время представлена в философско-педагогических изысканиях В. С. Соловьева, С. Н. и Е. Н. Трубецких, В. В. Розанова, а к началу XX в. – С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского и др.

На рубеже XIX – XX столетий В. С. Соловьев, явившийся воплощением всего авторитета религиозной философии своего времени, утверждал безусловную предзаданность познания целям, определенным теологией. Любое познание, которое может осуществляться только через божественное учение, понималось им как познание промысла Божьего. Рассматривая через призму этого умозаключения теорию педагогического познания, мыслители констатировали, что, как и догмат, педагогическое воздействие являет собой часть божественного замысла, «изреченного человечеству». Отсюда: педагогическое познание – бесконечное приближение к познанию промысла Божьего, выраженного в его «откровении», а воспитание есть продукт взаимодействия личностей, ведомых божественным промыслом.

Мысль о воспитании как раскрытии в ребенке образа Божия наталкивается на вопрос о том, каковы те силы, которые составляют духовную природу человека. Здесь находится важнейшая точка пересечения педагогической реальности и промыслительных сил: интраперсональная и интерперсональная гармония достигаются воспитанием, конечное назначение которого – приближение человека к тем чертам, которые свойственны

Творцу всего сущего. Следовательно, Бог является идеалом в рамках воспитательной реальности, носителем воспитательных целей. С. А. Франк отмечал, что человек, обладающий в качестве образа и подобия Божия неким подобием Бога, «должен и, в принципе, может свободно исполнять волю Божию». В противном случае, т. е. когда принимается во внимание природа человека, отличная от Бога, «это подобие (человек) оказывается слабым и в известном смысле иллюзорным» существом [6, с. 39]. Образ Творца изначально присущ человеку, и «человек как творец есть соучастник Божьего творчества» [6, с. 44]. Таким образом, корреляция «Творец – человек – Творец» приобретает педагогический характер и экстраполирует черты Бога в конкретизированном виде на содержание и цели воспитания. Провиденциальный смысл такого педагогического построения в том, что Бог не только «творит» человека и не только сам присутствует как высшее начало в составе человеческого духа, а в том, что Он сверх того частично снабжает своей творческой силой свое творение, даруя ему соучастие в своем собственном творении. В лице человеческого духа мы встречаемся с таким сотворенным существом, которому Бог как бы делегирует частично свою собственную творческую силу и которого он уполномочивает быть активным соучастником своего творчества. Таким образом, педагогическая составляющая божественного промысла сочетается, как отмечал С. А. Франк, «с величием и спасенностью человека, осуществляющего свою высшую и подлинную природу через свою подчиненность Богу, свою связь с Богом, свою внутреннюю пронизанность Богом – через свою богочеловечность» [6, с. 19]. Этот вывод означает, что стандарты для воспитания человеческой личности, приближенной к идеалу, установлены вне социальной реальности, они неизменны и абсолютны.

Осмысление педагогического процесса, когда провиденциальная сторона личности предрасполагает человека к подчинению жизни служению Богу, привело к выделению принципа богособразности воспитания, который, объединяясь и интегрируясь с принципами природосообразности и культуросообразности в сочетании с целями и содержанием воспитания, составил теоретический фундамент православной педагогики. В таком виде христианская педагогика во второй половине XIX в. приобрела вид всесторонне разработанной системы теоретического знания.

Обратим внимание еще на один немаловажный момент, относящийся к пониманию провиденциального смысла в педагогике: педагогическое воздействие, обращенное к воспитанию души, духовности и нравственности, неизбежно наталкивается на его провиденциалистскую составляющую. В православном святоотеческом наследии второй половины XIX – первой половины XX в., которое представлено педагогическими теориями П. Д. Юркевича, В. Ф. Владиславлева, А. А. Громачевского, С. А. Рачинского, М. А. Олесницкого, Св. Феофана Вышенского, Св. Тихона Задонского, Св. Игнатия Брянчанинова и др., часто встречается вывод о том, что нравственная истинность христианства имеет промысли-

тельное происхождение, иными словами, нравственная природа человека predetermined Богом. Так, П. Д. Юркевич промыслительные основания души отмечает как априорный принцип [7].

Провиденциалистская идея воспитания в отечественной педагогике второй половины XIX – первой половины XX в. растворена в таких личностных свойствах человека, как нематериальность, стремление к нравственно истинному, духовность, ответственность перед собой, людьми, обществом и Богом. В этих определениях человек обнаруживает в себе воплощение образа Безусловной Абсолютной личности, которая не является субъективной идеей человеческого сознания, но имеет провиденциальную природу.

Общее для отечественного теизма желание видеть в божественном провидении основу культуры в целом по-разному реализовывалось в конкретных педагогических построениях. При этом осознавалась необходимость приближения провиденциального учения к жизни, к практическим вопросам воспитания путем включения в педагогический арсенал христианских гуманистических догматов и ценностей. Ибо стремление человека к счастью и личному совершенству, удовлетворению естественных потребностей относительно и субъективно. Эти ценности не могут составлять смысл человеческого бытия.

Промыслительная идея православной педагогической культуры являлась краеугольной и для русского зарубежья (С. Н. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, И. А. Ильин, Г. В. Флоровский и др.), которое связывало с ее осуществлением на чужбине сохранение и развитие национального культурного наследия.

Интеллектуальная элита эмиграции, сознательно или бессознательно чувствуя деяния промысла в своем предназначении, все чаще идентифицировала себя не с изгнанниками, а с посланниками. Провиденциальная ситуация наставляла педагогическую мысль на абсолютные идеалы и возвышала воспитательные смыслы. Провиденциалистскими ориентирами воспитания становились такие представляющие исток и содержание духовного богатства общечеловеческие ценности, как любовь, внутренняя свобода, вера, совесть. На этой аксиологической основе и осуществлялось в эмиграции национальное воспитание и образование.

Педагогика российского зарубежья в свете промыслительной идеи воспитания стремилась сохранить православную христианскую традицию в образовании и воспитании детей. Православие являлось основой не только мировоззрения, но и мироощущения.

Одной из важнейших точек соприкосновения божественного промысла и воспитания в педагогике российского зарубежья была тема свободы как ценности и цели воспитания. К исследованию философской, богословской и педагогической природы этой темы обращались Лосский и Ильин, Бердяев и Зеньковский и многие другие. Так, в начале XX в. центр тяжести переместился с проблем образования на проблемы воспи-

тания, на промыслительное осмысление воспитательного процесса и его поворота к личности, ее индивидуальности.

Анализ творческого наследия философов и педагогов российского зарубежья позволяет сделать вывод, что в божественном промысле в самом общем виде они видели выработку смыслов, позволяющих человеку находить выход из собственного эгоизма, преодолевать свой узкоэмпирический горизонт.

Провиденциалистские смыслы в педагогике российского зарубежья аккумулировали творческое осмысление воспитания человека как спасение от грядущего апокалипсиса. В педагогике-искусстве российского зарубежья проявилось творческое желание распознать черты божественного промысла в педагогическом воздействии, что было созвучно всему искусству «серебряного века». Обращенность к грядущему отождествлялась с целями воспитания и побуждала признание божественного промысла в предопределении жизни человека. Педагогика российского зарубежья со свойственной ей чуткостью, чувствуя апокалипсический настрой «серебряного века», воспроизвела провиденциалистский смысл культурных традиций и духовно-эмоционального устремления, которые стали аксиологической основой воспитания. Провиденциально встав над временем, а точнее над безвременьем, или межвременьем, педагогика российского зарубежья стала педагогикой серебряного века, преодолев границы между прошлым, настоящим и будущим.

Говоря о цели воспитания, как, впрочем, и о цели образования, следует отметить, что она исключительным образом соответствует провиденциальному смыслу христианской жизни – спасению души. В этом контексте «спасение» подразумевает избавление не от физической опасности, а от опасности духовной. «Связать проблему воспитания с темой спасения, – отмечает В. В. Зеньковский, – значит уяснить себе смысл воспитания» [4, с. 102]. Эта цель стала целью и основанием всей системы отечественной педагогики, она позволила заложить глубокую смысловую основу всех ее категорий и понятий.

Вообще, для отечественной педагогики первой половины XX в. в ее целостном представлении характерен ортодоксальный характер, который в своей сути связан с провиденциальным пониманием человеческого существования, развития личности, воспитательной цели в соответствии с двойственным предназначением человека – быть членом гражданского общества и Царствия Божия. Кроме того, провиденциальный взгляд на педагогическое построение способствовал сглаживанию обострившегося противоречия между христианско-теоцентрическим и гуманистически-антропоцентрическим пониманием природы человека. Это способствовало пониманию утверждения, что ограничение воспитания земными, преходящими потребностями делает его технологичным, инструментальным.

Подводя некоторые итоги, отметим, что в отечественной педагогике второй половины XIX – первой половины XX в. содержится широкий арсенал важнейших провиденциалистских смыслов. Важность одного из

них неоспорима и для современной педагогики: божественное провидение обеспечивает взаимодействие прошлого, настоящего и будущего – то, собственно, чем и оперирует педагогика. Другим наиважнейшим провиденциалистским смыслом является то, что божественное предопределение и педагогика выполняют равно необходимые и равно важные функции в отношениях человека с миром. Стало быть, вопросы взаимной связи божественного промысла и воспитания не могут остаться без должного внимания.

Таким образом, исследование провиденциалистской идеи воспитания, когда воспитание рассматривается как заранее предустановленных и определенных волей божественного провидения благодатные проекции на образ жизни человека, позволяет сформировать более разностороннее представление об истории отечественной педагогической мысли второй половины XIX – первой половины XX в.

Литература

1. Августин А. О граде Божием / сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева. СПб.: Алетейя, 1998. 593 с. (Творения).
2. Амвросий (Ключарев А. И.). О семейном счастье и христианском воспитании: духовные поучения. М.: Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 1997. С. 159.
3. Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология: учеб. пособие. М.: Изд-во УРАО, 1998. 576 с. (Библиотека антропологии).
4. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В. В. Зеньковский. М.: Изд-во Свято-Владим. братства, 1993. 222 с.
5. Карсавин А. П. Путь православия. М.: АСТ, 2003. 557 с. (Philosophy).
6. Франк С. Л. Человек и Бог: человек между миром и Богом. М.: Грааль, 2001. 124 с. (Путь жизни).
7. Фурсов А. П. П. Д. Юркевич о воспитании: для педагогов, родителей и студентов педвузов. М.: Шк. пресса, 2004. 187 с. (Золотой фонд педагогики).